

Андрей Бочман

Солнечный ветер

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Андрей Боцман
Солнечный ветер
Серия «Литературная премия
«Электронная буква – 2020»»

<https://litres.ru/51325819>

SelfPub; 2026

Аннотация

Артем Сторожнев - простой офисный работник с кучей нерешенных проблем. Лишившись в одночасье работы, любимой женщины и лучшего друга, он готов возненавидеть весь мир и сбежать куда угодно: в глухую деревню, в мегаполис, лучше всего - на другую планету. Пытаясь вновь обрести взаимопонимание с миром, он оказывается в самом центре событий, вызванных внезапным и болезненным контактом человечества с могущественной внеземной цивилизацией. Оборвав последние связи с Землей, погрязшей в хаосе, панике и неопределенности, Артем решает что проще забыть прошлую жизнь и начать все заново за пределами Солнечной системы. Но что ждет разрозненное и незрелое человечество в туманном будущем? Можно ли сбежать от себя и своих врагов, даже оказавшись на другой планете? Слишком много вопросов, ответы на которые мы получим лишь столкнувшись с неизвестностью лицом к лицу, в борьбе и лишениях продвигаясь все дальше. И все

же, стремясь изменить Вселенную, останемся ли мы прежними там, где стихает солнечный ветер?

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	40
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Андрей Бецман

Солнечный ветер

Глава 1.

На каждого из нас у Вселенной свои планы.

Невозможно угадать что ждет тебя за поворотом, но совершенно точно в жизни не бывает случайностей. Бывают неожиданные встречи, странные знакомства, отчаянные поступки. Но события, которые сопровождают твою жизнь всегда закономерны. Все подчиняется строгим законам, будь то законы природы или законы человеческого общества, и стоит преступить лишь одну условность, как неумолимость наказания повергнет тебя в пучину отчаяния. И в такой ситуации остается лишь убеждать себя самого, что все произошедшее лишь случайность, злой рок, враждебное колдовство – но никак не последствия твоих собственных поступков.

Друг. Посмотреть на него другими глазами у меня, даже после всего этого, никак не получалось. В конце концов, что такое настоящий друг? Снова и снова задавая себе этот вопрос, я снова и снова оправдывал его, и от этого становилось все паршивей и паршивей. Наверное, это худшая из моих сторон: всегда искать оправдания для тех, кто сделал мне больно, и что самое главное – находить его. Я не могу слепо

ненавидеть, слепо мстить – как-то подспудно у меня в подсознании все раскладывается по полочкам, и не успеваю я сделать и трех вздохов, как негодяй уже оправдан. А когда у негодяя есть оправдание, его очень трудно ненавидеть.

А я действительно все понимал. Сейчас, сидя в нашем привычном баре на окраине города, я понимал все, кроме причины, почему я должен его ненавидеть.

Я обвел взглядом высокие затемненные окна, затертую дубовую барную стойку, небольшой зал с редкими посетителями, не спеша потягивающими свежее пиво и не обремененными грузом нерешенных проблем. Этот бар, как и наша дружба, помнил лучшие времена. Ломались стулья, затирался лак на стойке и столах, трескалась плитка на полу, все больше дырок от шампанского появлялось в подвесном потолке – и все это время наша дружба кислела вместе со здешним пивом, которое сегодня было совсем дрянным, а мы продолжали притворяться что все так же близки друг другу, даже когда исчезли общие темы для разговоров. В этом плане наш бар был куда честнее нас, выставляя напоказ все неприглядные последствия непрерывного использования на протяжении многих лет.

Сидя здесь и сейчас, мне казалось, что вся моя жизнь похожа на этот бар: затертая вечными проблемами и засаленная социальными стандартами. Будто все те десять лет, что я прожил в этом городе, мое мировоззрение от всего что со мной происходило, коптилось и чернело, как маленькое

окошко в туалете от сигаретного дыма и испарений. Будто от ясного и свежего мира, видимого через окно десять лет назад, в еще подростковом возрасте, остались лишь размытые линии жизненного опыта, усталости и воспоминаний.

Теперь я понимал, как мы к этому пришли, и как этого можно было избежать. Я вспоминал человека, с которым в былые времена мы делили одну сигарету, одну мечту, одну жизнь на двоих, но видел лишь того, с кем не смог поделить одну женщину.

О эта, грустная, и к сожалению, банальная история, повторяющийся из века в век спектакль, в котором меняются лишь актеры и декорации. Сложно пересказывать то, что уже сотни раз поведано куда более лучшими рассказчиками и много более интересными людьми, но умолчать нельзя, когда душа рвется на части.

Наша история растянулась на десять лет, но от этого не стала менее пошлой. Будто две перпендикулярные линии мы с Женей пересеклись сразу после школы, чтобы потом броситься врассыпную. Волею судеб начинающий экономист и начинающий юрист оказались в одном вузе, в одной комнате в университетском общежитии и с одной бутылкой на двоих. Именно те пол литра «Русского азарта» я всегда считал началом нашей дружбы, и, возможно именно поэтому, она сейчас заканчивается дерьмовым пивом.

С самого начала нас разбрасывало в разные стороны ринга, но всегда находилось что-то, что заставляло нас, вопреки

всему, держаться рядом. И надо сказать это было здорово до тех пор, пока этим «чем-то» не стала моя Ира. Уж не знаю, что во мне привлекло ее в день нашего знакомства, однако о Жене, в то время моем неотъемлемом спутнике, она отзывалась весьма презрительно в своей особенной манере безинтересности: «он такой отвратный».

Это воспоминание заставило меня улыбнуться. «Отвратный». За пять лет многое изменилось и в нашей жизни, и в нас самих. Без родителей, связей и без гроша в кармане, я с самого социального дна вырос до руководителя отдела в международной компании, купил нам с Ирой квартиру. И казалось мне что я самый крутой, самый молодой и успешный. Однако Женек со своим юридическим стал работать в компании приближенной к силовым структурам, зарабатывая больше меня неизвестно чем, неизвестно где.

Мы все еще часто встречались: я, Ира и Женя с очередной подружкой, – так, посидеть, поболтать ни о чем, рассказать друг другу что нового в жизни, вспомнить старое. Легкие деньги, много свободного времени и нужные в нашем обществе знакомства делали Женину жизнь куда более захватывающей и интересной в сравнении с моими рабочими буднями. Но я был все-таки счастлив, потому что у меня была Ира, у меня была семья – то чего у Жени с таким темпом жизни быть в принципе не могло – я был счастлив настолько, что очень ясно представлял себе наше будущее и не замечал настоящего.

Да что говорить, я был слеп. Я был слеп, когда исчезли смайлики в конце Ириных смс-ок, я был глух, когда слова «люблю» и «скучаю» незаметно исчезли из нашего лексикона, я был глуп, когда Женя первый раз пришел на очередную нашу встречу один. Я был наивен и доверчив, не замечая очевидного целый год, пока однажды не обнаружил пустую квартиру с выпотрошенными шкафами и забытые Женины перчатки в прихожей. Ни слова, ни записки, и два отключенных телефона. Как сказала бы Ира: «отвратное зрелище».

Эта нехитрая история привела меня в этот бар, где мы часто встречались с моим бывшим лучшим другом, вытолкав меня из вмиг опостылевшей квартиры. Но даже здесь, залихватски заливая алкоголем внезапно разверзнувшуюся в душе пустоту, унять боль от предательства не удавалось. И хотя, в конечном итоге, во многом виноват я сам, начиная от выбора друзей, заканчивая наивной верой в человеческую добродетель, не все можно понять и простить.

Несмотря на изрядное количество выпитого пива, я вдруг понял, что поиск оправдания для того, кто никогда уже не будет занимать в твоей жизни важное место не менее пустое занятие, нежели трата времени на переживания по этому поводу. Брось, бывший лучший друг. Теперь мы не просто чужие, теперь мы враги. Потому что предательству нет оправдания и незачем его искать. Пора было вычеркнуть их обоих вместе с этим баром из своей жизни и начинать новую.

Я бросил на стол три сотни за пиво и, не оборачиваясь,

вышел на улицу. Здесь я позволил себе глубоко вздохнуть, вместе с воздухом из легких выгоняя из души последние сожаления о прошлом. Для полноты восприятия я достал сигарету и закурил. Тонкий наркотик никотина при первой же затяжке укутал приятной слабостью уже выпитый алкоголь, и уснувшей змеей свернулся в моем мозгу.

Я шел вдоль дороги с сигаретой в зубах и махал рукой каждой встречной попутке, думая о том, что новую жизнь нужно обязательно начинать завтра с утра. Все ж хорошее обязательно начинается с доброго и солнечного утра. А сегодня старую нужно как следует пропить в каком-нибудь пафосном клубе, где друг о дружку трутся мальчишки-педики, brutальные менеджеры меряются собственной крутизной, и куча студенток небольшими косяками лавирует от танц-пола до бара, от бара до туалета, и от туалета в машину какому-нибудь папику. Пять лет назад я бы позвонил паре своих друзей, мы бы жахнули грамм по триста водочки и сцапали бы в свои сети один из этих косяков малолетней рыбешки, но сейчас, перелистывая адресную книгу в телефоне, я неожиданно понял, что в этом городе у меня никого не осталось. Кто-то уехал в другой город, кто-то спился, у кого-то маленький ребенок, а кто-то (о ужас, какой-же я слабак) не нравился Ире, и мы уже четыре года не общались.

Когда наконец возле меня остановился Рено Логан с шашечками такси, я перестал тупо перелистывать записи в телефоне бесконечно жалея себя в своем одиночестве. Мой

план на вечер был прост и незамысловат: выпить за барной стойкой вискаря, наблюдая как гоу-гоу девочки трясут аккумуляторными попами на сцене.

– Туда, где весело! – с жизнерадостной улыбкой ответил я на немой вопрос таксиста, уставшего от пьяных рож и пустых разговоров за жизнь. Несколько мгновений он смотрел на меня тяжелым взглядом, пытаясь понять, укурен я или просто стебаюсь над ним, но я продолжал натянуто улыбаться, и он сдался.

– Сегодня стриптиз в «Калигуле», – уже вырулив на дорогу, обозначил он конечный пункт нашего маршрута.

«Калигула» это как раз то, что мне было нужно. Не смотря на грозное название, эта дешевая студенческая забегаловка привлекала разномастный сброд со своими целями: начиная от гопников, отрабатывающих телефоны у подпивших посетителей на выходе, заканчивая модными ребятами из VIPов, ищущих что-то подешевле проституток, но того-же качества. И хотя мысль о гопниках на выходе несколько озадачила меня, в целом вариант подходил мне по всем параметрам.

Срезая дворами, под паршивый русский рэп, мы добрались до клуба за десять минут и двести пятьдесят рублей. Я вылез из машины, обошел ругающуюся парочку, улыбнулся трем курящим студенткам с Ягуаром наперевес, сделал вид, что не заметил трех молодцов, пинающих ногами третьего за углом, и выложив тысячу рублей за вход, благополучно ми-

новал двух злодейского вида охранников.

Ну что ж, все завтра, а сегодня, не смотря на тесноту, я нашел место у бара, и без разбега отправил в желудок первый стакан какого-то сладкого коктейля. Дождавшись второго я огляделся. Здесь было шумно, грязно и людно. Где-то внутри ворочалась мысль что все это мне на самом деле не нужно, но проводить ночь в одиночестве мне сегодня не хотелось.

– Сторожнев! – срывая голос кто-то перекричал музыку,
– Сторожнев, твою мать!

Не успел я рассмотреть обладателя столь внушительного баса, как здоровенный детина сграбастал меня в пьяных медвежьих объятиях, стащив со стула.

– Живой еще? – прокричал он мне на ухо и только тогда за широченной бородой и кривым сломанным носом я узнал своего школьного друга Колю Штерна.

Он утащил меня за столик, где сидел с другом и тремя девицами едва за двадцать. С последней нашей встречи прошло лет десять, и я знал только, что он поступил по какому-то знакомству в академию ФСО, после чего исчезли все его аккаунты в соцсетях и сменился номер телефона. Дружили мы крепко, расспросить его хотелось о многом, но в ответ он лишь отмахивался, отшучивался, все больше наливал в мой стакан водки, и ограничивался односложными ответами в стиле «все нормально» и «да это фигня». Единственное что мне удалось понять из этого попури закрытых ответов, что он впервые за годы службы уже месяц в вынужденном

отпуске, его друг тоже, и вообще пол части распустили, поэтому они сидят здесь, отращивают бороды, бухают и развлекаются с девочками. Из меня же он вытащил все как заправский чекист на допросе, поклялся достать и наказать «этого Женечку», посоветовал забыть «эту проститутку», все больше наливал и пододвинул к одной из девушек. Мы много пили, еще больше смеялись и абсолютно забывшись уехали на съемную квартиру наших подруг. Там мы долго сидели на кухне с Колей, ожесточенно споря о политике, будто и не было этих десяти лет, отмахиваясь от настойчиво зовущих нас в соседнюю комнату девушек. Потом я помню, как Коля ушел в туалет, а я, так и не дождавшись его, мирно уснул в том же кресле что и сидел.

Через два часа будильник вырвал меня из зыбкого плена алкогольного сна. От неудобной позы у меня заболела спина и свело шею, поэтому я с трудом дотянулся до телефона, лежащего на журнальном столике чтобы отключить зуммер.

Не смотря на головную боль и порядком притуплённый рассудок я неспешным неуверенным шагом проковылял до уборной и справил нужду, для уверенности держась за стену. В процессе мне жутко захотелось пить, и я придиричиво осмотрел комнату, послужившую сегодня мне спальней, в приоткрытую дверь. Сразу было видно, что вечеринка продолжилась и после того как я отключился: пустые стаканы и пустые бутылки были рассредоточены по всему пространству, в некоторых томились придавленные к дну окурки. Бо-

лее того, в соседней комнате от дивана к спальне по полу тянулась неясная дорожка из мужской и женской одежды. Сколько человек скрылось за дверью соседней комнаты мне так и не удалось разгадать, даже учитывая розовый бюстгалтер у самого порога.

Осторожно, чтобы никого не разбудить, я проверил пустые бутылки из-под пива, допил два найденных глотка, и тихонько захлопнув дверь, вынырнул в подъезд. Два лестничных пролёта и, оставив позади стойкий аммиачный запах парадной, я вышел в свежее летнее утро.

День обещал быть жарким и едва поднявшееся над городскими крышами солнце разгоняло последнюю ночную прохладу из тенистых дворов старой части города. Плакучие ивы и китайские клены, высаженные здесь первыми новоселами хрущевской эпохи, тщетно пытались укрыть широкими ветвями лавочки и тротуары от грядущей духоты июльского полудня, давая густую тень и укрытие от палящего солнца. Я присел на ближайшую облезлую деревянную скамейку, вызвал такси и закурил.

Мне всегда нравились такие районы – здесь есть не просто история, здесь в узких улочках прячется душа этого города. Многолюдные площади, широкие проспекты, высотки спальных районов на бывших пустырях – все это, как дорогое белье на проститутке, лишь добавляет образ любой региональной столицы нашей необъятной родины. Вся суть провинциальной жизни кроется, несомненно, именно здесь.

Одинокие бабули, такие же одинокие алкоголики, разведённые женщины с детьми, студенты – кому-то квартиру выдал завод, кому-то досталась по наследству, кто-то отжал ее у мужа-алкоголика, кто-то просто снимает потому что в новостройках дороже. Именно здесь, как в зеркале, просматривается в миниатюре все современное российское общество, паразитирующее на остатках советского прошлого, ещё не вполне индивидуально-капиталистическое, но уже не общественно-коммунистическое.

Несмотря на бессонную ночь, здесь думалось удивительно легко. Плавно, от мыслей о судьбах родины, сигаретный дым унёс меня к размышлениям о судьбе собственной. Хотя никаких положительных чувств к Ире, кроме ноющей пустоты в груди, у меня не осталось, я прекрасно отдавал себе отчёт что прожитые с ней годы были сбалансированы и наполнены смыслом, тогда как впереди меня ждало нечто похожее на сегодняшнюю ночь. Да, мне тридцать, и впереди у меня ещё целая жизнь, но осознание того, что мне ещё только предстоит пережить разрыв с женщиной, которую я любил, угнетало меня донельзя. Добавьте к этому растерянных школьных и институтских приятелей, отдалившихся знакомых и лучшего друга – предателя и перспектива пропить ближайшие три года в объятиях случайных женщин с малознакомыми людьми становится максимально реальной. Как бы мне не нравился этот город, у меня в нем осталась только работа, которая хоть и была мне интересна, но смыслом жизни ее

назвать сложно.

От размышлений меня отвлекла смс-ка, сообщившая что такси меня ожидает в соседнем дворе. Я затушил бычок о спинку скамейки, щелчком отправил его в мусорный бачок, потянулся и неспешно пошёл к машине. Впереди меня ждал долгий и непростой день, укутанный в тяжелое похмелье, поэтому все пол часа до работы я постарался провести в легкой полудреме на заднем сиденье Хёндэ Соляриса.

– Приехали, – я не успел толком схватить даже кусочек сна, когда таксист остановил машину у внешнего шлагбаума.

– Сегодня ночью, жители европейской части России могли видеть в небе уникальное природное явление – невероятно мощный звездный дождь, связанный, по всей видимости, с неизвестной ученым кометой! – бодро отрапортовало мне радио, едва я открыл глаза.

Я протянул таксисту две сотни и вышел. От поездки голова моя разболелась, а к горлу подступила лёгкая тошнота, поэтому я твёрдо решил, что отпрошусь у генерального как минимум до обеда и свалю домой проспаться. Держась за голову и мечтая только о чашке кофе, я подошёл к входной двери, не успев удивиться отсутствию охранника на шлагбауме, но вход мне перекрыл здоровенный омоновец в балаклаве и с автоматом на груди.

– Вход закрыт – сказал, как отрезал, не шевельнув и мускулом.

– В смысле? – до меня не сразу дошёл контекст ситуации.

– В коромысле! – оmonoвец смерил меня тяжелым взглядом и снова отвернулся.

До меня, наконец, дошло что происходит что-то нетривиальное и я, сделав пару шагов назад, осмотрелся. Здание нашей конторы было оцеплено по всем правилам: все входы и выходы, кроме центрального, были закрыты и опечатаны. Кроме полицейского на входе, ещё двое в полном стояли на клиентской парковке рядом с полицейским автобусом и двумя «бобиками» и курили. Плюс, держу пари, выдавшая виды Ауди и новенький Бmw, стоявшие рядом, тоже далеко не случайные автомобили, и приехали на них сюда пара следователей в штатском.

У курилки на противоположной стороне парковки я увидел двух парней из отдела продаж, втихую о чём-то переговаривающих под сигаретку. Это был кто-то из новеньких, какие-то студенты после университета, абсолютно мне незнакомые, один тощий, нескладный и высокий, второй бородатый коротыш. Я подошёл и поздоровался.

– Давно они тут? – я тоже закурил, устроившись на табурете в тени пластиковой крыши.

– Вроде как чуть ли не с ночи, – с готовностью ответил долговязый.

– Когда мы приехали они тут уже были, – подтвердил бородатый.

– Ясно, – кивнул я, ожидая продолжения. Собственно, они тут напару и торчали в ожидании свободных ушей, чтобы

посудачить о таком, из ряда вон выходящим событии, как маски-шоу в нашем тихом городе, где давно уже ничего не происходит.

– Вроде как собственник вывел все бабки в офшор, – с готовностью продолжил долговязый, – кинул поставщиков, понабрал кредитов в банках и тоже все перевёл на свои счета.

– Генеральный там с самого начала внутри с главбухом, им стопудово тоже что нить впаяют. Не могли они не знать про эти темы. А Якушева в розыск. Хотя он уже наверно где нить на островах, где выдачи нету.

Якушев – это собственник. Генеральный и главбух точно ничего не знали, ибо Якушев клал на них так же, как и на всех остальных своих сотрудников, поэтому они там на пару сейчас бледнеют, как тетрадные листы, совершенно ни за что.

– Говорят у конторы давно дела не очень, – продолжал долговязый, – заграница товар уже месяц не отгружает из-за долгов. А Якушев что? Дворец на Горке Нищих отгрохал, ему пофиг на долги, бабки на стройку нужны.

Горка Нищих – это такой район города для особо обогатившихся жителей, в каждом посёлке есть такой район, только называется по-разному. Где-то с придыханием, где-то с сарказмом. У нас вот с сарказмом.

– Да не, – вдруг не согласился бородач, – на хрен ему деньги в дом вкладывать, если он за бугор собрался? Уверен он и там строителей кинул. Это ж не за один вечер он придумал

свалить, это надо было спланировать, бабки через подставные конторы вывести. Это не один месяц.

– Да не важно, – вздохнул тощий, – ему теперь хорошо на пляже с мулатками и мохито, а мы без зарплаты! И работу хрен найдёшь сейчас. Прикинь сколько тут человек работало, все считай на улицу. А работы и так считай нету.

Коротыш молча покачал головой, потом вздохнул:

– Я, наверно, в Москву поеду. Делать здесь и так было нечего, а теперь...

Так тебя там и ждут, подумалось мне, но я промолчал. Сигарета мне не зашла, и я ее выбросил, не докурив – все-таки организм требовал нормального сна и, наверное, куриной лапши. Про европейский поставщиков и наши им долги я знал давно, но во всем остальном Якушев, конечно, был хорош. Грамотно, красиво и без пыли спрятал все свои дела не только от компетентных органов и партнеров, но и от сотрудников, каждый из которых видел, что не все гладко, но так ничего и не заподозрил. Однако во всей этой истории определенно был плюс: мне не придётся ни у кого отпрашиваться. Я снова вызвал такси, решив, что, отоспавшись отобедаю где-нибудь в закусочной, и уеду к дядьке в деревню на недельку, так и так давно хотел в отпуск. А дальше видно будет.

Дома меня ждала непривычно пустая неубранная квартира, каждый шаг в которой отдавался звонким эхо одиночества. Со вчерашнего дня я здесь так ничего и не трогал. Да

и зачем? Все мое осталось на своих местах, а наводить порядок а-ля «ничего не произошло» и «мне и одному хорошо» я ещё был не готов. Выпив недельного молока из холодильника, я как был, в одежде, завалился в неубранную постель и уснул глубоким сном уставшего алкоголика.

Проснулся я уже под вечер. Закатное солнце светило в окно, за день накалив воздух в комнате до невероятной духоты. Я весь взмок, скомкал все постельное белье и частично разделся во сне. Ужасно хотелось пить. Снимая на ходу остатки одежды, я в костюме Адама дошёл до кухни, допил молоко – этого оказалось мало, я добавил воды из-под крана, и ушёл под душ. Отстояв под тугими прохладными струями пол часа, я наконец, обрёл ясность мыслей впервые со вчерашнего утра. Обернувшись полотенцем, я вышел на балкон покурить.

Я смотрел на остывающий от дневного зноя город, вслушиваясь в фоновый шум от машин с недалекой дороги, детский гомон из песочницы, перекрикивание соседок, и на меня накатывало чувство отчуждения вперемешку с оттенком тоски. Когда-то это все было частью моей жизни, и я сам был частью всего этого, но теперь у меня нет семьи, нет друзей и нет работы – это место стало кусочком прошлого, из которого мне нужно выбираться. За новой работой придётся ехать в Москву или Питер, да и так проще будет забыть Иру и кошмар, которым закончились наши отношения, и продать

квартиру. Впереди меня ждало совершенно другое будущее, никак не связанное ни с этими людьми, ни с этим городом, и нужно было лишь перешагнуть через остатки светлых чувств к прошлому.

Докурив, я собрал кое-какие свои пожитки, выключил все электроприборы в квартире, перекрыл воду, и, закрыв все замки на двери спустился во двор к машине. Две бабки, сидевшие на лавочке, молча проводили меня взглядом, пока я забрасывал дорожную сумку в багажник своей Киа и, как только я захлопнул дверь, возобновили свой досужий разговор. Наш с Ирой расход обеспечил их сплетнями, думаю, на пару месяцев вперёд.

За четыре часа пути я выкурил три сигареты, выпил полторалитровую бутылку Кока-Колы и только на подъезде вспомнил что перед сном утром выключил телефон и так его и не включил. Звонка я ни от кого не ждал, но все-таки загрузил трубку. Пропущенный был один – от Сергея, коллеги с работы, с которым мы были близки в последнее время. Мы пытались дружить семьями, даже ходили друг другу в гости, но наши жёны не сошлись характерами, и дружба наша кочевала от работы до бара по пятницам, не более.

Вскоре показался знакомый поворот и съезд на грунтовку – до моей малой родины осталась пара километров.

Деревня в тридцать домов стояла на крутом берегу малюсенькой речки, между лесом и колхозными полями. Колхоз давно развалился, поля заросли березняком и ивняком, зда-

ния разбиты и разграблены, от некоторых не осталось и фундамента. Тлен, забвение и уныние, однако, именно с этими местами у меня связаны все самые добрые воспоминания из детства. После двух очень непростых дней, лучшее что я мог получить от вселенной, это томленая в печи картошка, тонко нашинкованная квашеная капуста и пятьдесят грамм дядькиной самогонки, настоянной на прополисе.

Родителей своих я не знал – отец был то ли военным, то ли шабашником, а мать умерла при родах дав жизнь мне. Воспитали меня мамин брат со своей женой, простые крестьяне – дядя работал в колхозе водителем грузовика, тетя – медсестрой в сельском медпункте. Только теперь давно уже нет ни колхоза, ни медпункта, ни страны, которая это все строила, поэтому жили они здесь на пенсию, да подсобное хозяйство. Много раз и я, и их родной сын Рома, пытались их перетащить – я в областной, Ромка в райцентр – но они не соглашались.

Они меня не ждали, но обрадовались. Тетка тут же накрыла на стол, дядька убежал топить баню. На мой рассказ про мою внезапную безработность отреагировали они весьма сдержанно, чего нельзя сказать о моей, столь же внезапной, холостяковости. Внуки, это тема больная. У Ромы на днях родился второй, поэтому последние полгода каждый мой разговор с ними заканчивался только одним – упреками в нашу с Ирой сторону об отсутствии желания в продолжении рода. Теперь, по всей видимости, на мне в этом плане

поставлен крест.

– К брату то съездил бы, – предложила тетка, – на племянника посмотрел бы.

– Хорошая идея, – по-настоящему согласился я.

Рома боролся с обыденностью как мог, не признавая безнадежность своих усилий. Он работал учителем истории в средней школе районного центра, подрабатывал таксистом и принимал для перепродажи лом цветных и чёрных металлов – в общем, выживал как мог чтобы прокормить двух сыновей и жену. Жена, Алена, не работала, по причине отсутствия работы как таковой для дипломированного архитектора, коим она являлась. Все своё время она посвящала детям, мужу и ландшафтному дизайну половины двора их дома. Вторая половина была занята железным ломом. Я решил по-быстрому попариться в бане и уехать к брату в райцентр, благо ехать было не далеко, каких-то десять километров.

Баня приморила меня основательно, так, что единственным желанием после выхода из неё у меня было желание спать. Но захватив полуторалитровую бутылку дядькиной настойки, я за десять минут добрался до одной из окраинных улиц маленького городка, как две капли воды похожего на сотни таких же умирающих, разбросанных по всей стране, где горделиво возвышался двухэтажный Ромкин дом. На стук вышла Алена.

– Артём! – охнула она. – Рома, брат твой приехал! Бросай свои книжки!

Мы обнялись. Пока Ромка спускался из кабинета на втором этаже, Алена провела меня в гостиную, где над люлькой с младшим братиком сидел Максим, их старший сын.

– А вот и Егорка, – похвасталась она, нежно покачав кроватку, отчего сын вальяжно протянул к ней свои коротенькие пухлые ручки.

– Крепыш, – улыбнулся я, наверное, немного завидуя Роме и его семейному счастью.

– Весь в папку, – согласилась Алена.

– Ну не на соседа же ему быть похожим, – с ухмылкой пробасил Рома, как-раз спустившийся к нам. Мы тоже крепко обнялись.

Хоть вид у него был уставший и осунувшийся, он старался казаться бодрым и веселым. С последней нашей встречи он сильно похудел, скинув из своих ста килограммов двадцать, отчего почти исчез живот и сам он стал казаться как-то меньше.

Алена в одно мгновение накрыла на стол какую-то снедь, водрузила посередине привезённую мною бутылку, и мы сели за стол. Снова я рассказал свою историю, как за два дня потерял и жену, и работу, и снова их возмущению не было предела, когда разговор зашёл про Иру. Особенно распереживалась Алена, вспомнив даже между делом, что у неё оказывается есть как раз совсем случайно одинокая двоюродная сестра, которая очень недурна собой. Рома в ответ на это только фыркнул, «ему то не подсовывай свою прости госпо-

ди», и к этому мы больше не возвращались. Где-то через час Алена ушла укладывать детей и попрощалась со мной.

– Пошли покурим, – тут же шепнул мне брат и мы вышли во двор.

– Хорошо у тебя тут, – я выпустил струю дыма в звёздное небо и прислушался к тишине. – Жена, дети. Тихо.

– Тихо как в гробу, – вздохнул Рома и присел на деревянную балку. – Работы нет, денег нет, продуктов каких-то для мелкого, и тех нет! У него непереносимость лактозы, так за смесью мне приходится в соседний город сорок километров ездить!

– Непереносимость лактозы? – переспросил я. Для меня это было сюрпризом.

– Да, – кивнул брат. – Хрен знает откуда. Как будто и так все просто в нашей жизни.

Я присел рядом с ним и пристально на него посмотрел, пытаюсь разглядеть знакомые черты. Он всегда был оптимистичен и ничто, казалось, не могло его сломить. В нем жил настоящий казацкий дух наших далёких предков, он любил место где родился, всегда высмеивал меня за то, что я уехал, а когда построил дом и родил сына, уверенность в превосходстве собственного духа над остальными была в нем несокрушима. Сегодня я впервые услышал в его голосе нотки тоски.

– В школе все меньше детей, а соответственно и работы у нас, учителей, – меж тем продолжал он. – На следующий

год в первом классе только на один класс ребятни набралось, через десять лет, вообще никого не будет, все уезжают отсюда. Металлолома почти не несут уже, так алкаши старые кастрюли тащат. В такси пока есть работа, но с каждым годом налог все больше, бензин все дороже, а заработок все меньше.

– И что думаешь? – этот разговор был мне абсолютно новинку и чего ждать от него дальше я не мог и предположить.

– А что думать? – переспросил Ромка, – барахтаться в этом болоте дальше, деваться некуда.

– Уехать не думал? – закинул я удочку.

– Куда? – меланхолично ответил он вопросом на вопрос, – в областной? В Москву? Мой дом здесь больше чем за миллион я не продам, за эти деньги в области однокомнатную не купишь, а про Москву я вообще лучше промолчу. У меня двое детей, не забывай. И тут у меня кроме зарплаты учителя и таксиста есть ещё какой-никакой подработок.

– Ипотека, все дела, – я сам не верил в то что говорил, но ничего другого на ум не приходило.

– С зарплатой учителя только ипотеки не хватало, – улыбнулся он. – Да и родители старые уже, не хочу их оставлять тут одних.

Тоже верно, подумал я, но ничего не сказал. Да и не было у Ромки никогда желания жить где-нибудь ещё, кроме родной деревни. В большой город он уехал ещё раньше меня и

сразу в столицу, в Москву. Но что-то у него там не задалось и сразу после университета он вернулся сюда и больше никогда никуда не собирался.

– Дети уедут, – подытожил он, – а мы останемся.

Мы докурили и вернулись за стол. Через пол часа, уложив детей спать, вернулась Алена, и мы на троих, неспешно, допили настойку, разговаривая обо всем, начиная с политики, заканчивая будущим их детей. Изрядно подвыпившим, и по-настоящему отдохнувшим душой, я уехал от них в три часа ночи на такси.

– Ты собираешься вставать? – разбудила меня тетка. Ее руки были в муке, и она гневно смотрела на меня.

Голова жутко болела, хотелось пить и спать.

– Вставай, блинами угощу, – увидев мое состояние смягчилась она.

Я поднялся вслед за ней, оделся, попил воды из-под крана и вышел на улицу. Ясное и свежее летнее утро было в самом разгаре, предвещая жаркий и душный день. Напоминая беззаботное детство вдали мычали коровы, звенела мошкарка, пока ее не припекло июльским солнцем, высоко в ветвях верб, дубов и берез звенели птахи, порхая с ветки на ветку. И казалось вот сейчас со двора забежит дед и закричит что стадо уже за деревней, что дуры-коровы сейчас пойдут на колхозное поле, где лопушится широкими листьями свекла, а я семилетний первоклашка буду хлопать сонными глазами,

не зная, что сказать.

Забежав за забор, я справил малую нужду в сторону далекого леса и с хрустом потянулся. В детстве все всегда как в сказке, и много не замечаешь, хоть это и очевидно. Может быть так и лучше? Не замечать плохого, грустить и печалиться до слез, чтобы на утро проснуться с новыми детскими заботами и радостями. Верить в чудеса и быть твердо уверенным в том, что, когда вырастешь станешь космонавтом, что красавица-жена будет непременно любить тебя больше жизни, родит сына и дочку, и вы будете жить в большом доме, рядом с домом родителей.

Я достал сигарету и закурил. В стране взрослых все по-другому. Дедушки уже восемь лет нет с нами, вместо стада на выгоне две соседские коровы – больше в селе просто нет, быть космонавтом уже не модно, а гражданская жена, кстати, не такая уж и красавица, любит больше моих друзей. Убежать бы прочь от этих несбывшихся детских надежд, умирающих русских сел, неверных женщин и ненавистных работ куда-нибудь подальше, в другой город, другую страну, даже на другую планету – лишь бы стереть все это из своей жизни как пыль со старого комода, и начать все заново.

Я бросил окурок в траву и пошел в дом. На кухне дядька Паша вяло спорил с теткой, поглощая горячие блины с вареньем и запивая их молоком.

– Наверное, объелась рыбой, – задумчиво произнесла тетка, глядя на забившуюся в угол кошку, – Федька-то вчера

сети вычистил, да рыба в воде протухла. В жару—то такую.

– Да американцев опять бомбят, скорее всего, – предположил дядька насчет чего-то своего. – Пентагон, наверное, взорвали террористы.

– Или отравил ее кто? – пожала плечами тетка, – это ж сколько надо съесть, чтоб так объесться?

– Или переверот какой, – сделав большой глоток молока добавил дядька, – как в девяносто третьем!

– Да ну тебя! – перепугалась тетка, обратив наконец внимание на мужа – Бог с тобой!

– Что верно, то верно, – быстро закивал головой дядька, – уж лучше Пентагон.

– О чем спор-то? – я не мог уже слушать эту адскую смесь из террористов и издыхающих кошек.

– Телевизор у нас с утра рябь одну показывает, – пояснил дядька, – но тебе то откуда все это знать, тебе ж лишь бы напиться и забыться.

Я сделал вид что не расслышал его последней реплики и многозначительно посмотрел на тетку, но она, в свою очередь делала вид, что не замечает моего взгляда.

– Пойду проветрюсь, – махнул я рукой и снова вышел на улицу.

После разговора с Ромой, я еще больше укрепился в мысли, что мне нужно ехать в Москву. Новый город, новые возможности, новые люди. Раз уж жизнь делает такой крутой поворот, стоит ли отсиживаться в уютной глуши? Антон,

мой институтский друг, жил со своей женой в Москве во взятой в ипотеку двухкомнатной квартире. Звал он меня к себе в гости давно и регулярно, так что с этим проблем быть не должно. Не виделись мы лет пять, хоть и дружили в своё время, и я думаю он будет только рад.

Усевшись в саду на пенек под яблоней, я достал телефон и попытался загрузить мессенджер, но в этой глуши не ловил не только интернет, но и пропал сигнал мобильной связи. Не теряя попыток поймать сеть, я перезагрузил телефон, но это ничего не дало. Тогда я вспомнил, что, когда только появилась мобильная связь в деревне, я свои подружкам отправлял смс-ки сидя на высокой березе рядом с домом – только там ловила сеть. Недолго думая я дошел до этой берёзы и как былые времена забрался так высоко как смог. С трудом достав мобильник, я увидел все тот же нулевой сигнал. Скверно, по всей видимости накрылась вышка в райцентре. Ну или все это вместе с отсутствующим сигналом телевидения какой-то зловещий знак.

Я не паникер, но пронзившая мой мозг мысль теперь не давала мне покоя. Стараясь не спешить, я спустился с дерева, едва сдерживая себя, чтоб не побежать, дошел до дома и, под вопросительные взгляды опекунов почти ворвался в кухню, чтобы включить радио. На секунду мне показалось что из динамика заиграла музыка, но тут же комнату наполнил мерный белый шум.

Вещание по ТВ, отсутствие мобильной связи, теперь и ра-

дио – совпадением это быть не могло. Не смотря на кутерьму прошедших дней, даже спрятавшись в глуши, я отчетливо понимал, что происходит что-то из ряда вон выходящее и правительством просто глушится информационное поле. Но если здесь, в деревне, всеми это воспринимается как само собой разумеющееся, уверен города сейчас бурлят.

– Что? – удивленно разглядывая мое озадаченное лицо замер на полуслове дядька.

– Ехать надо, – решил я.

– Как, сегодня? – для тетки это было неожиданностью.

– Ну а что тянуть? – я пожал плечами, – Видите, что происходит? И своими делами займись, и узнаю, что происходит.

Что-то происходило в мире и я, находясь на границе ойкумены, об этом не знал. Вряд ли это была война – тогда бы об этом вещали по всем каналам. Было похоже на какой-то государственный переворот, но даже до русской глубинки должно было докатиться эхо перемен по каналам муниципальной связи. Абсолютная тишина по всем каналам могла означать либо конец цивилизации, либо полный контроль над всеми эфирами с целью скрыть какую-то рвущуюся наружу информацию. Непонимание и негодование подстегивало меня, не давая сидеть на месте, заставляя мои мысли скакать от одной догадки к другой. В любом случае безопаснее было сидеть здесь пока ситуация не прояснится, но внутреннее напряжение гнало меня вперед. В конце концов от преж-

ней жизни у меня почти ничего не осталось, так почему бы не начать новую с чего-то глобального?

Быстро позавтракав, я забросил в сумку пару смен нижнего белья и носков, забросил это все на заднее сиденье машины, и попрощавшись с людьми, ставшими мне родителями, сел за руль. Очень скоро я проехал мимо райцентра, оставив его в стороне. Проезжая мимо вышки сотовой связи, я без особой надежды достал телефон и убедился, что вышка мертва – связи не было. Я покрутил тумблер радио, ничего не нашёл и включил музыку с cd-диска. В салоне заиграл Чиж и его «Бомбардировщики».

Где-то на пол пути я понял, что на трассе нет машин. Я ехал в абсолютном одиночестве, ни в моей полосе, ни по встречке за полтора часа мне не встретилась ни одна фура, автобус или легковушка. То ли люди испугались отсутствия связи и решили пересидеть непонятное время, то ли все маршруты отменили. От мысли о неверности собственного выбора уехать именно сейчас у меня вспотели ладони, но поворачивать назад не было никакого желания. Наконец, вдали показался какой-то стоящий на обочине автомобиль, и в ту же секунду из-за поворота стал виден танк, стоящий за ним. Танк!

Я сбавил скорость, судорожно соображая, что бы это могло значить и что с этим делать, но меня уже заметили и из машины вышли двое человек, вооружённых автоматами. Знаками они показали мне подъехать к ним и остановиться.

– Лейтенант Никифоров, ваши документы, – козырнул мне в окно молодой офицер, с автоматом наперевес.

– Что случилось то? – протянув ему документы, я попытался изобразить абсолютное отсутствие удивления нахождения здесь военных в сопровождении боевой техники, но меня не оставляло ощущение нереальности происходящего.

– Как что? – риторически переспросил лейтенант, сверяя мое лицо с фотографией на правах. – Военное положение в стране, Артемий Павлович, комендантский час, а вы разъезжаете по федеральной трассе.

Война? В голове пронеслось сразу десяток мыслей, с кем, когда, почему везде тишина?

– Паспорт? – не отдавая мне прав, требовательно посмотрел на меня военный.

– Еду домой, от родителей, – на ходу сообразил я и протянул ему паспорт. Благо областной центр был по дороге в Москву.

Лейтенант Никифоров первым делом посмотрел на страницу с пропиской, удостоверившись что я еду в правильном направлении и, чуть помедлив, протянул мне назад весь ворох документов.

– Комендантский час с девяти до двадцати одного, – пояснил он. – Перемещения между городами запрещены, поэтому едь прямо по адресу прописки никуда не сворачивая, иначе будут проблемы. По дороге у тебя будет ещё патруль, на въезде в город блокпост. Там будет досмотр, езжай по-

быстрее, чтоб до девяти успеть.

– Спасибо, – кивнул я. – Так что происходит?

– Сами толком не знаем, – признался лейтенант, глядя куда-то в сторону. Потом снова посмотрел на меня, размышляя стоит ли продолжать это разговор и кивнув на музыку подсказал: – Включи «Маяк», обещали дать официальное заявление сегодня по ТВ и радио.

Он кивнул мне и вместе с напарником пошёл к машине. Станный пост – теперь для меня стало очевидным что организовывался он в большой спешке: одна машина без номеров, двое солдат из ближайшей части и зачем-то ещё танк. Создавалось впечатление что командование Никифорова просто не знало кто может проехать по этой дороге, случайный водитель или военный конвой. Я с опаской оглянулся, на всякий случай проверяя, не едет ли кто-то ещё за мной, но дорога была все так же пустынна. Похоже, что в городах все-таки было какое-то оповещение, и все сейчас ждали официального объяснения от властей.

Я проехал мимо усевшихся к себе в машину военных и включил радио. Там все так же были слышны лишь помехи на всех частотах. Настроив приёмник на волну «Маяка», я уменьшил звук и продолжил дорогу под белый шум.

Километров через тридцать, на очередном перекрёстке федеральных трасс я издали заметил второй пост военных, на этот раз с БТРом. Снова двое вышли из машины, и я, не дожидаясь сигнала с их стороны, сбавил скорость и остано-

вил машину в тридцать метрах от них. Солдаты не спеша подошли, перевесив автоматы на грудь, я открыл окно и в этот момент радио оживило. Пропал шум, трижды прозвучал сигнал, призывающий к вниманию, и заговорил диктор.

– Внимание! Говорит Москва! Сейчас прозвучит официальное обращение Верховного Главнокомандующего, Президента Российской Федерации Николая Николаевича Валентинова!

Мы с военными переглянулись, и ни слова друг другу не сказав замерли: я за рулём, они у открытого окна. После короткой отбойки зазвучал голос президента. Он был, как всегда, спокоен и вкрадчив.

– Дорогие россияне, дорогие сограждане. Со вчерашнего вечера мы были вынуждены ограничить передвижения граждан, ввести комендантский час и военное положение. Сегодня на улицах городов, на стратегически важных объектах, на все трассах федерального значения несут свою службу приведённые в боевую готовность армейские части. Войска национальной гвардии и полиция также обеспечивает правопорядок и соблюдение комендантского часа во всех населённых пунктах страны в усиленных составах. На это время мы вынуждены были ограничить информационное поле в целях недопущения паники и попыток искажения реального положения дел в сознании граждан до выяснения всех обстоятельств происшествия. Сегодня, с полной ответственностью и уверенностью в своих словах, могу заявить, что вчера,

двадцать третьего июля в двадцать два часа по московскому времени, произошла коренная смена парадигмы восприятия существования нашего народа, страны, человечества.

Вчера в пригороде Парижа рухнул неопознанный летающий объект. В катастрофе погибли десятки тысяч людей, ещё сотни тысяч пострадали и находятся в больницах. Во время падения, с корабля пришельцев сумели спастись несколько десятков представителей гуманоидной инопланетной расы, которые приземлились недалеко от места кораблекрушения. Выжившие члены экипажа корабля пришельцев вступили в контакт с представителями местных властей и, позже, через них, со всем человечеством. Они не проявляют агрессии по отношению к людям и искренне сожалеют о понесённых нами жертвах. В данный момент в ООН проводится экстренное собрание Совета Безопасности для выработки единого плана действий со стороны объединённой Земли для определения степени и методов взаимодействия с представителями внеземной цивилизации.

Военное положение и комендантский час в стране, в целях обеспечения безопасности, будет действовать до отмены отдельным указом. Начиная с девяти ноль-ноль завтрашнего дня вещание по всем каналам связи возобновится, включая мобильные и спутниковые сети. Все объекты инфраструктуры и жизнедеятельности будут работать в штатном режиме, с пометкой на комендантский час. Прошу всех соблюдать спокойствие и порядок, ситуация полностью под контролем

правительства, пусть дети завтра идут в школу, а родители на работу. О дальнейшем развитии событий будут нас будут информировать представители СМИ.

Желаю всем провести этот вечер в кругу семьи и завтра заняться запланированными делами. Всего доброго, берегите себя и своих близких.

Снова отбойка и:

– Это было официальное обращение Верховного Главнокомандующего, Президента Российской Федерации Николая Николаевича Валентинова! До встречи завтра в эфире.

И снова белый шум.

Мы с военными переглянулись и несколько секунд молча смотрели друг на друга.

– Доброго пути! – наконец невпопад откозырял сержант и отошёл в сторону, давая мне отъехать с обочины.

Доброго пути? Но я был, как и этот сержант, в состоянии прострации, безуспешно пытаюсь осмыслить только что услышанное. Проводив взглядом закуривших там же, на обочине, военных, я поехал на свою квартиру. На въезде в город меня тщательно обшманали два солдата на уже добротном блокпосту из двух БТРов и взвода контрактников, организованном в бывшем здании поста ГАИ, закрытом ещё с десятков лет назад. По городу барражировали машины ППС, а почти половина встретившихся мне прохожих были сотрудниками росгвардии. За двадцать минут я проехал по пустому городу до дома и вспомнил что в квартире у меня ничего нет

из съестного, подъехал к магазину в соседнем подъезде. Все жильцы дома сидели по своим квартирам, поэтому место для парковки я нашёл только возле мусорных баков и наполовину на бордюре. Магазин был открыт.

– Здравствуйте, – сказал я давно примелькавшейся тетке средних лет, сидевшей на стуле за прилавком. Она кивнула в ответ, не поднимая взгляда от кроссворда.

На полках магазина было пусто, даже не понятно зачем продавщица здесь сидела. Крупы, консервы, соль, сахар, макаронны, алкоголь – все было сметено под чистую. Из съедобного я смог рассмотреть только четвертинку хлеба, жвачки и два Чупа-чупса.

– Что-то полки пустоваты, – я попытался пошутить.

– Все расхватали ещё как только телевизор отключили, – наконец оторвалась от газеты продавщица.

– Съестное что-нибудь есть? – без особой надежды спросил я.

– Пельмени есть замороженные, – на удивление утвердительно кивнула она и пояснила: – Не долго хранятся если отключится электроэнергия, не рискуют брать.

Я купил пельмени, хлеб и майонез по в два раза завышенной цене и поднялся домой. Брошенная квартира встретила меня глухим эхо с горьким привкусом прошлого. Но теперь весь мир стоял на пороге неожиданного будущего вместе со мной, и чувство одиночества, давившее на меня здесь два дня назад, сменилось тревожным ожиданием коренных пе-

ремен. Оставалось только пережить эту ночь и, как и все человечество, шагнуть в неизведанное.

Я сварил себе ужин и не спеша поел, сидя на кухне возле окна в эту странную ночь между прошлым и будущим.

Глава 2.

Наутро я проснулся в другом мире. Телевидение, интернет, радио – из каждого утюга сыпались сводки, догадки и мнения – человечество пыталось понять, что теперь делать, в какую сторону идти и, самое главное, куда. Первой же публичной резолюцией ООН были закрыты торги на биржах, что, ожидаемо, вызвало коллапс международной торговли. Чтобы предотвратить в большинстве стран, как и в России, началось ручное управление стратегическими предприятиями для обеспечения продовольственной и энергетической безопасности. Где-то, как в Африке и большинстве стран Латинской Америки, один за другим разгорались локальные межэлитные конфликты. В Соединенных Штатах, во Франции – полиция и национальная гвардия не справлялись с раздирающими города погромами и мародерством, новостные сводки оттуда были похожи на сводки с фронта. И лишь Китай продолжал отправлять грузы согласно контрактам, как ни в чем не бывало.

Меж тем, инопланетяне оказались вполне разговорчивыми и открытыми для общения с нами. Уже на следующий день после закрытого совещания Совета Безопасности, перед делегатами всех стран выступил представитель пришельцев, и так как спецслужбы, по всей видимости, решили что это лучший способ ввести в курс дела все население плане-

ты, запись этого выступления была доступна в тысячах вариантов в интернете. При помощи какого-то дополнительно устройства он вполне сносно изъяснялся на английском, с которого сотни переводчиков транслировали его слова на языки человечества.

Его звали Симил Та Инуи, он был помощником по научным исследованиям капитана экспедиционного корабля Республики Семи Планет. Сами себя они называли «чары».

Свою родную планету они уничтожили в ядерной войне больше двух тысяч земных лет назад. Межзвёздную экспансию к тому моменту они едва только начали, поэтому жалкие остатки их цивилизации остались изолированными на семи ближайших колонизированных планетах на несколько веков. Впереди их ждала эпоха разобщенности, после которой на каждой из планет образовалась самобытная, не похожая на другие шесть, цивилизация. Около тысячи лет назад новые двигатели, корабли и технологии вновь открыли межзвёздные перелеты, были налажены постоянные каналы общения и после непродолжительных локальных войн, вся раса чаров наконец объединилась в Республику с общими органами власти.

С этого момента единая цивилизация начинает планомерное исследование ближайших звёздных систем и включение их в свою сферу влияния. В системах без планет пригодных для жизни оборудуются пункты связи, кислородные планеты колонизируются. Огромный объём пространства, разме-

ром со сферу диаметром в двести сорок световых лет был за это время изучен и внесён в картографические каталоги чаров. Даже учитывая самые передовые технологии перемещения, находящиеся в распоряжении их цивилизации, на то чтобы добраться от форпоста, находящегося на одной стороне ойкумены, до противоположного – требуется двадцать земных лет, и такие путешествия совершают только самые отчаянные исследователи. И на всём этом пространстве двести лет назад была обнаружена единственная цивилизация разумных существ с которой можно было вступить в контакт – мы, люди.

Для исследования Земли в системе Толимана (собственное название Альфа Центавры), на пригодной для жизни планете у главного компонента этой тройной звезды была выстроена колония и порт, с которого они вели пристальное наблюдение за нами. Они видели наполеоновские и две мировых войны, ядерные испытания и полет Гагарина, высадку Нила Армстронга на Луну и запуски межпланетных зондов. Согласно принятому Верховным Советом Республики Семи Планет закону, вступить с нами в контакт они должны были только после первого межпланетного переплёта, однако в историю вмешалась внешняя сила.

Чуть меньше ста лет назад на окраине исследованного сектора со стороны Солнечной системы в контакт с чарами вступила другая цивилизация, успешно освоившая технологию межзвёздных переплётов, дамары. Это была также уг-

леродная, кислорододышащая, белковая гуманоидная форма жизни, однако долгих переговоров не получилось. Дамары уничтожили одну из колоний Чаров и началась война, вяло текущая по сей день на равноудалённых от центров обеих цивилизаций рубежах. Именно вмешательству дамаров человечество было обязано внезапным контактом с чарами: недалеко от Луны встретились в бою два экспедиционных корабля враждующих рас, и хоть дамары были уничтожены, потерявший двигатели корабль Чаров в неуправляемом дрейфе упал на Землю, а вызванная с Толимана помощь прибудет только через шесть месяцев. Командование и правление их цивилизации поставлено в известность о сложившейся ситуации и вместе со спасательным бортом прибудет представитель Верховного Совета на планете Малари, с подробным планом развития отношений двух цивилизаций, каким его видят чары. Выступление заканчивалось надеждой на понимание и открытость в отношениях со стороны человечества.

Рассказ был столь скомкан и поверхностен, что оставляло больше вопросов чем ответов, поэтому предоставленная чарами ведущим университетам база информации с погибшего корабля породила тысячи аналитических передач с мнениями экспертов и пояснениями ученых. Это, конечно, была только общая информация об устройстве обитаемой вселенной, но для начального представления этого было достаточно.

Чары были примерно одного с нами роста, в среднем немного ниже и худощавее. Вообще, они были очень на нас похожи: белковые гуманоиды на углеродной основе, дышащие кислородом. Внешне, на первый взгляд, они отличались лишь полным отсутствием волосяного покрова и сероватым оттенком кожи, однако при внимательном изучении бросалось в глаза их абсолютно чуждое лицо. Огромные безбелковые глаза, отсутствие носа и губ, высокие лоб и едва различимый подбородок на узкой нижней челюсти делало их голову похожей на воздушный шар, с нарисованным на нем инопланетянином. О их внутреннем строении я ничего не нашёл, точно также, как и о способах размножения, зато о еде и алкоголе информации было хоть отбавляй. Внеземные злаки, овощи, фрукты, вино и водка – все пугающе чужое, но завораживающе похожее.

Космические полёты и путешествия даже спустя две тысячи лет с их начала, оставались делом не простым. Старт челнока с планеты был все так же реализован путём ракетных двигателей и стоил немало как для экономики, так и для экологии планеты. Челноки – летающие тарелки – различных форм и назначений, были несравнимо более совершенны земных аналогов, потребляя меньше топлива и перевозя огромное количество грузов, но из-за рисков и стоимости меж звезд путешествовали в основном лишь те, кто навсегда связал свою судьбу с космосом – исследователи, военные, дальнобойщики.

Межпланетные перелеты осуществлялись при помощи термоядерных двигателей на гелии-3, позволяющих развивать субсветовую скорость, так, что расстояние от Солнца до Земли корабль преодолевал за одни сутки, плюс двое суток на разгон и торможение. Внутри корабля поддерживалась комфортная искусственная гравитация, давление и температура на протяжении всего полёта. Фактически такие путешествия почти ничем не отличались от обыкновенных земных авиационных переплётов.

Однако даже субсветовая скорость не позволяла добраться до других звёзд в пределах приемлемого отрезка времени. Решением проблемы был гравитационный ДЕ-двигатель на темной материи, создающий живущую долю секунды червоточину в пространстве-времени, через которую космический корабль мог добраться до любой звезды, координаты которой введены в бортовой компьютер. Однако и здесь были нюансы. Во-первых, прыжок через червоточину был возможен только вдали от массивных тел, за пределами звёздных систем. Во-вторых, даже внутри тоннеля, корабль не достигал точки назначения мгновенно: световой год можно было преодолеть почти за месяц земного времени. Именно поэтому помощь к потерпевшим крушение исследователям должна была прибыть только через полгода: четыре месяца в кривопространстве и ещё два – внутри звездных систем.

Львиная доля кораблей чаров составляли внутрисистемные челноки на гелии, без гравитационных двигателей. И

теми и другими обладали только три вида звездолетов: военные, экспедиционные и тяжелые межзвездные контейнеровозы, составлявшие основную массу этого типа кораблей. Именно на них перевозились грузы для новых колоний и военных баз, товары в метрополии и колонисты.

Если межпланетные полёты осуществлялись в приемлемых временных рамках, то путешествие к другой звезде могло занять не один год. Дабы не загружать корабли дополнительным запасом продовольствия и не думать, что делать с таким количеством свободного времени команды, большая ее часть погружалась в анабиоз, пока остальные несли вахту. Такая технология позволяла максимально замедлить все процессы жизнедеятельности, поэтому нередко были случаи, когда чар, с биологическим возрастом в сто пятьдесят лет, был рождён триста лет назад. Кстати, средняя продолжительность жизни у чаров была сто пятьдесят пять земных лет, причём почти полная функциональность сохранялась на протяжении всей жизни – старческая беспомощность была ими искоренена довольно давно.

Неделю спустя жизнь в городе начала входить в своё русло. Кроме усиленных патрулей и комендантского часа ничего нового в обычном ходе вещей не намечалось, поэтому люди постепенно приходили в себя и принимались за свои привычные дела. В магазин завезли продукты, и цена на них поползла вниз, открылась парикмахерская напротив и пиц-

церия в соседнем доме, так что я, наконец, смог поесть чего-нибудь кроме пельменей и постричься. На лавочки возле подъезда снова расселись бабки, дети пошли в школы и детские сады, а родители на работу. Во дворе к вечеру собирались обыватели и трепались о своем. Я иногда отлипал от ноутбука и телевизора и выходил на балкон покурить и послушать соседей. Конечно в основном обсуждали пришельцев и судачили о том, как теперь будет житья простому человеку, но чем больше проходило времени, тем чаще заводились обычные разговоры о том, где можно дешевле достать свинину, где водку паленую продают, кто-то кого-то учил как правильно воспитывать детей. Громких заявлений ни со стороны правительства, ни от пришельцев больше не было и напряжение в обществе спало само собой. Мои сбережения понемногу таяли и нужно было думать, что делать дальше. Как только по федеральным каналам прошла новость, что перемещения между городами снова открыты, я понял, что пришло время снова набрать Антона.

–Сторожнев! – вместо приветствия закричал он мне в трубку. – Здорово, чувак, как жизнь?

– Как дела в столице? Живы там ещё? – для меня самого было удивительно, как я был рад услышать этот голос из прошлого. В одно мгновение будто стёрлись все эти годы, и мы снова были жадные до впечатлений первокурсники.

– Пошумели немного на улицах, но военные всех разогнали, а кого не разогнали, тех рассадили, – хмыкнул Антон. –

Все путём. Как у вас, в регионах?

– Как обычно, – я вышел на балкон и оглядел безмятежный двор, – как будто ничего не произошло.

– О-о! – неопределенно протянул он в ответ. – У нас тут все бурлит! Гастарбайтеров всех выселяют и депортируют, народ на улицы пытается выходить, требуют кто объяснений, кто действий, а менты всех разгоняют. Никто не хочет остаться в стороне, только что делать ещё никто не знает. Как обычно в общем.

– Что с работой? – напрямую спросил я.

– У нас отпуск за свой счёт, – он понял вопрос по-своему, – биржи закрыты, банки только на приём и выдачу работают, соответственно нам тоже делать нечего. Правда у Катки вон работы прибавилось, все че-то английский захотели выучить, а я сериалы смотрю.

Оба они работали на один из крупнейших банков в стране в отделе по разработке собственных продуктов, Катя начальником отдела тестировщиков, Антон в группе внедрения. У Антона времени свободного как правило не было, вот он и навёрстывал упущенное, а его жена, в силу отличного знания английского, часто подрабатывала репетитором, а сериалы не переносила на дух, предпочитая авторское малобюджетное кино.

–А вообще, на фоне всего происходящего, работа-то есть? – я поконкретней сформулировал вопрос.

– В смысле тебе? – наконец сообразил Антон. – Сейчас

конечно непонятно, но приезжай, что-нибудь сообразим. У меня чувак с отдела прям перед всем этим на завод ушёл кодить, и ничего, впахивает, никаких отпусков. Так что заводы работают, все нормально. Поживёшь у нас, поищешь работу, все тут ее побольше чем у вас там. Я тебе на почту сопроводительное пришлю. Ты с Ирой, или один пока?

Я оглянулся на пустую квартиру и вздохнул.

—Один.

Пока я рассказывал Антону про все перипетии последней недели моей жизни, он скинул мне заполненный стандартный бланк сопроводительного письма для проезда из города в город. Таковы были новые реалии: только при наличии приглашения от постоянного резидента, меня пропустят на блокпостах, и я доеду до Москвы. Пропуск был на две недели, потом если я не найду работы я должен либо уехать назад к месту прописки, либо остаться там на нелегальном положении с риском загреметь в каталажку как самому, так и прихватив с собой хозяев квартиры.

Так, сидя на балконе, я проговорил с ним пол часа, и решив, что я завтра же выезжаю, попрощались. Какое-то время я слушал отдаленные звуки улицы не особо понимая почему у меня обострилось чувство нереальности происходящего. Потом до меня дошло: все было совсем не так как я себе это представлял. В конечном итоге — я ехал в неизвестность.

Я долго не мог уснуть, ворочаясь с боку на бок, размышляя то о потерянном с Ирой времени, то о том, как по-ново-

му заиграли краски жизни без неё. Вторжение пришельцев в нашу жизнь мне казалось то новым вызовом для всего человечества и меня в частности, то внезапным препятствием в привычном ходу дел. Перед тем как сон все-таки сморил меня, я успел даже связать эти два события, только уже вряд ли вспомню: то ли инопланетяне прилетели оттого что ушла Ира, то ли Ира ушла, оттого что прилетели инопланетяне. В общем бред.

Из-за полуночных метаний проснулся я поздно. Лёжа на разметанной в духоте июльской ночи постели, я долго смотрел на экран телефона, пытаюсь сообразить почему уже так много времени. Через пару минут я вскочил, поняв, что проспал. По-быстрому почистив зубы и выпив чашку растворимого кофе, я выбежал из квартиры, стараясь ни секунды лишней в ней не задерживаться. Как показывает практика убежать от прошлого бывает не так-то просто.

Стараясь не нарушать правила дорожного движения, я довольно быстро добрался до блокпоста на выезде из города, и предъявив документы, со спокойной душой выехал на прямую федеральную трассу до Москвы. Пошли вы к чертям, неверные жены, друзья и работодатели! Впереди у меня новая жизнь, и даже инопланетяне не помешают мне наслаждаться ею.

Въезд в столицу был перекрыт основательно. Уже на дальних подъездах стали чаще попадаться военные машины на обочинах и у придорожных шалманов, то там, то здесь мель-

кали солдаты в форме цвета хаки и с автоматами на груди или за спиной. Чем ближе я подъезжал к МКАДу, тем яснее становилось что либо в Москве не так уж и спокойно, как об этом рассказывают в новостях, либо от пришельцев приходится ждать ещё не один сюрприз. Атмосфера напряжения и настороженности словно куполом накрывала мегаполис и каждый въезжающий сюда чувствовал ее на своей шкуре сразу же.

На въезде меня долго шмонали, перевернув все в машине, долго проверяли пригласительное, сверяясь с ноутбуком в военном УАЗике, но в конце концов пропустили и пожелали доброго пути. Москва походила на большой развороченный муравейник. Митинги и пикеты были давно запрещены и методически разгонялись, но молодая, активная часть населения все-равно выходила на улицы. Об этом говорили исписанные стены домов, разбитые витрины закрытых магазинов, наспех расклеенные на столбах листовки. «Инопланетяне лишь повод сожрать твою свободу!» – гласила одна из них. «Пришельцев нет, есть лишь тирания!» – шёл ещё дальше автор следующей. Были и другие точки зрения: «Вступай в дружину сопротивления инопланетной колонизации!», «Власть тебя предала!», «Продали нефть, продадут и тебя!». Казалось весь воздух был наэлектризован ожиданием глобальных перемен и от чувства причастности к этому по звоночнику бежала изморозь.

Навигатор не видел ни одного спутника, поэтому немно-

го побродив, при помощи бумажного атласа московских дорог я все-таки нашёл нужный дом. Это была двадцатишестиэтажная высотка на другом конце города в небогатом спальном районе, где несколько десятков таких башен были натканы на довольно скромной площади. Я оставил машину на проезжей части у обочины, потому что весь двор был занят, и набрал нужные цифры на домофоне. На пару секунд я вдруг вспомнил что мы ни разу не созванивались в течение дня и их просто может не быть дома, но тут же динамик зашипел и оттуда раздался радостный голос Антона:

– Тема, поднимайся, мы тебя уже заждались! Четырнадцатый этаж.

Он встретил меня возле лифта, и мы крепко обнялись. На первом курсе мы были очень дружны и попадали не в одну передрыгу, но потом он вслед за Катей перевёлся в Москву, и наша дружба из реальной превратилась в дружбу по переписке. К счастью, мы были достаточно близки, чтобы сохранять ее так долго на таком расстоянии.

– Что про колонизацию думаешь? – на ходу выпалил Антон с горящими глазами.

– Про что? – я ничего не понял из его вопроса, но где-то внутри у меня родилась сумасшедшая догадка.

– Ты радио не слушал? – даже немного разочаровался Антон и я вспомнил что всю дорогу слушал AC/DC. – Заходи, у нас тут небольшое собрание дискуссионного клуба.

В квартире на кухне сидели ещё трое незнакомых мне лю-

дей. Пока я снимал обувь, вышла Катя и приветливо обняла меня в тесноте прихожей. За те годы, что я ее не видел, она здорово выросла и поправилась, и больше не была той маленькой весёлой хохотушкой, а скорее добротной домохозяйкой.

– Артем, это Костя, Серега и Настя, наши коллеги, – представил мне Антон ребят, когда я усаживался за свободный стул.

Мы пожали друг другу руки и быстро выпили за знакомство. Все трое выглядели как типичные айтишники: парни оба худощавые и долговязые в одинаковых очках в тяжёлой глянцево-чёрной оправе, Костя с неопрятной бородой, Сергей гладко выбрит. Девушка была среднего роста, спортивного телосложения, спрятанного в мешковатый джинсовый комбинезон, с некрасивым лицом и дредами вместо волос. Антон достал мне тарелку, быстро набросал бутерброд на закуску и уселся в компьютерное кресло рядом. Что не удивительно, на столе, кроме бутылки водки и нехитрой снеди, по центру возвышался работающий ноутбук.

– Так что за колонизация? – наконец задал я мучивший меня все это время вопрос. И они наперебой пересказали мне события сегодняшнего дня.

В четырнадцать ноль-ноль по Москве вышло очередное заявление правительства, продолжающее эпоху великих космических открытий для человечества. За эти дни, между Землёй и Республикой было заключено соглашение о все-

объемлющей поддержке чарами человечества в сфере развития космических технологий и включения Земли в экономическую и политическую жизнь Республики семи планет. В рамках этого соглашения, чары передадут ООН и Национальным космическим агентствам разработанные ими технологии в сфере космических полетов, окажут содействие при строительстве шахт на Луне по добыче гелия-3, на Марсе будут заложены верфи по сборке звездолетов и, самое главное, передадут в управление людьми свою колонию на планете Малари, в системе Толимана, вместе с небольшим флотом устаревших кораблей для начала организации межзвездных переплётов. Именно туда, на Малари, был объявлен сбор желающих принять участие в колонизации планеты. Билет выдавался в один конец, естественно.

– Пока желающих собирают только из стран постоянных членов Совета Безопасности, – продолжал рассказывать Антон, – но Китай уже отказался от участия во всей этой космической одиссее. Остались Великобритания, США, Франция и мы.

– В смысле собирают? – не понял я. – Как во времена заселения Америки и Сибири?

– Значительно более цивилизованно, – сквозь свою бороду улыбнулся Костя и развернул ко мне ноутбук, – подаёшь заявку на сайте Миграционной службы, и завтра, если ты подойдешь, тебе присылают бланк, с которым идёшь уже в МГУ и сдаёшь вступительный экзамен на выбранную спе-

циализацию. Там у нас будет организовано обучение азам, которые понадобятся колонистам на новой планете. Ещё через две недели среди всех желающих в четырёх странах выберут сорок тысяч человек – это и будут пионеры глубокого космоса.

– Вот мы сидим и думаем, – Сергей вальяжно обнял Свету и глядел на меня снисходительно, как старшекласник на дошколенка, – подавать заявки или нет.

Я подтянул ноутбук ближе к себе и возбужденно просмотрел страницу веб-сайта Миграционной. Все это было слишком невероятным чтобы быть правдой, но все это происходило со мной и сейчас. Специальности: рабочий ремонтной базы, фермер, оператор ЭВМ, портовый грузчик, диспетчер, офисный служащий, бармен, дворник, строитель, пилот каботажного судна! Сотни и сотни специальностей для нового мира.

– Это ж билет в одну сторону, – я оглядел их воодушевлённые лица. – Билет в маленький мирок с населением в сорок тысяч человек, где ты всю жизнь будешь работать условным фермером, потому что ты подписал контракт, и потому что другой работы для тебя в этом Богом забытом месте нет!

– Артем! – подалась вперёд ко мне через стол Катя. – Только представь: другая планета, другие технологии, другой мир! И ты в числе первых кто вообще это делает в истории человечества! Я не хочу думать о работе или ограниченном круге общения, это даже хорошо, я хочу думать о неис-

снякаемом источнике новых впечатлений, новых местах, которые смогу увидеть, новых событиях в которых приму участие. Такой шанс бывает раз в жизни!

Я перевёл на противоположную кухонному гарнитуру стену за ее спиной. Она была почти сплошным ковром заклеена фотографиями Антона и Кати в разных местах планеты и ярко иллюстрировала почему они отказались от детей и обыкновенных семейных ценностей. Исландия, Танзания, Новая Зеландия, Перу, Непал, даже остров Пасхи; удивительно как при такой пассионарности и тяге к путешествиям они решились взять квартиру в ипотеку. Но глядя на эту стену было очевидно – они оба уже подали заявку.

– Хорошо, что китайцы отказались, – кивнул Сергей, – меньше конкуренция, у нас шансов больше.

– Ну а если нам там не понравится? – подала голос Света, пытаясь призвать к голосу разума всех собравшихся. Она явно здесь была в меньшинстве и кажется обрадовалась моему появлению, увидев во мне союзника. – Мы ведь даже не знаем, что это за планета. Может это одни горы, или там ничего кроме водорослей нету, или это сплошная пустыня? Там ведь три солнца!

– Не говоря уже о том, что мы то и про чаров ничего не знаем, – поддакнул Костя. – Они может туда просто рабов вывезут и все, вот вам и новый мир. С такой же вероятностью мы можем оказаться для них и едой, и наше правительство с ними договорилось и откупается сорока тысячами душ. Как

греки от минотавра.

– Да зачем им тогда все эти разговоры и обещания? – возмутился Антон. – Взяли ли бы сколько надо, да улетели! Зачем делиться технологиями?

– Они ещё ничем не поделились между прочим, только сказками и красивыми картинками, – не без оснований возразил Костя.

– Ученые со всего мира уже подтвердили теоретическую возможность всех их технологий! – чуть ли не перекрикивал его Сергей. – А корабль, упавший во Франции?!

– Это ещё ни о чем не говорит, теория не практика! А про корабль я думаю, что это бомба для устрашения! Корабля-то никто и не видел!

Начался обыкновенный пьяный гвалт, в который я оказался втянут и втягивался все больше, чем больше мы выпивали. Антон и Катя были как на иголках от возможности вписать своё имя в историю, от причастности к столь громадному сдвигу в сознании человечества, и переживали в основном за то, что не пройдут отбор. Сергей в целом разделял их энтузиазм, но был спокоен и уверен, как в себе, так и в том, что делал правильный выбор. Единственное что выдавало его внутренние метания – это непрекращающиеся поцелуи невзначай и навязчивые объятия Светы, которая была для него, по всей видимости, обязательным элементом будущего, и в которой он был не до конца уверен. Его подруга была не так уверена в правильности сделанного выбо-

ра, скорее всего сомневаясь и в Сергее, и во всей этой затее с переселением на другую планету, но прямо перечить своему мужчине не смела. Костя был адептом теории тайного заговора, ничуть не сомневаясь в том, что и правительство, и пришельцы обманывают людей, но не мог отказать себе в возможности посмотреть на все это изнутри. В общем, довольно пёстрая солянка из взглядов и суждений, объединённых желанием сесть на звездолёт и улететь к неизвестной, в общем, то планете.

Я почему-то смотрел на их жаркий спор со стороны, хотя ещё вчера жадно вчитывался в аналитические выкладки ученых и политиков всех мастей, пытаясь понять к чему это все может привести. Сейчас же, получив ответ, к которому, теперь я понимал, склонялся и раньше, мне это стало вдруг не интересно. В конце концов, несмотря на явную масштабность происходящего, на деле все оказалось довольно хипово и банально: переселение небольшой кучки людей на другую планету, какие-то стройки на Луне и Марсе, где тоже будут участвовать максимум десятки тысяч, а для всех остальных людей инопланетяне и начало космической эры человечества будет не более чем телевизионное реалити-шоу. Звонело, правда, где-то внутри сомнение, сливаясь в унисон с Костиными бреднями, что это довольно забавное совпадение: как только появились под Парижем чары, исчез Женя с Иррой, мой работодатель и работа у сотрудников ФСО. Но оно лишь придавало уверенности в нежелании ввязываться

в подобные авантюры.

К утру мы изрядно набрались, наши голоса были сорваны, глаза слипались, а границы стёрты. Где-то в пять утра, когда уже начало светать, мы спели пару песен под гитару и пожалев, что нельзя заказать пиццу, стали ее делать сами. Я смутно помню эту часть ночи, только к шести мы с Антоном остались вдвоём на ногах, поэтому вышли курить на балкон.

– Странно, – протянул он, щурясь на разгорающийся восход. Их дом был ближе всех к МКАДу на районе, и отсюда открывался прекрасный вид на залитое утренним солнцем Подмосковье.

– Что странно? – он слишком долго молчал и мне пришлось задать уточняющий вопрос.

– Странно, – он снова помолчал, как будто сомневаясь, говорить мне или не говорить. – Мы ведь с Катей вместе, пожалуйста, только из-за этой квартиры. Мы давно живем каждый своей жизнью и достали порядком друг друга, но так неохота заниматься переездами, искать новую квартиру, делить эту. А теперь мы оба собираемся уехать туда, где этого в принципе невозможно будет сделать, другая планета – это тебе не другая квартира. И мы даже не вспоминаем насколько мы чужие. Глупо. И странно.

Глупо принимать такие решения просто потому что хочется перемен, подумалось мне. Странно думать, что там все будет по-другому. Но кто я такой чтобы судить других – сам сбежал в Москву от прошлой жизни.

Мы докурили и пошли спать. Мимо уснувших в обнимку на кухонном диване Сергея и Светы, Антон к нелюбимой жене на двуспальную кровать, я на матрас на полу, рядом с Костей. Морфей убаюкал меня очень быстро, несмотря на Костин тонкий храп под самым ухом, и сквозь сон я все повторял в полудреме незнакомое, но отчего-то притягательное слово. Малари.

Мне снилась деревня, тихая и мирная, живущая своей патриархальной жизнью вдали от цивилизации, но над домами вместо облаков висела на половину неба огромная летающая тарелка, вызывая во мне чувство беспокойства. Я метался в алкогольном сне, но проснулся только к трем часам дня, когда все уже разошлись. На кухне сидел в одиночестве за ноутбуком Антон, не спеша потягивая пиво из алюминиевой банки.

– Здоров спать! – вместо приветствия усмехнулся он. – Пиво?

– Я, пожалуй, кофе, – за время сна я протрезвел и похмелье почти прошло, алкоголя не хотелось.

Я сварил в турке эфиопскую арабику, основательно залил ее молоком, добавил две чайные ложки сахара и с удовольствием сделал большой глоток. Горячая сладкая жидкость ласковым комком провалилась по пищеводу в желудок и отдалась там теплом, щедро испуская кофеиновую бодрость. Вот это я понимаю живительный напиток, не то что ваше холодное пиво.

– Где все? – сев рядом я заглянул в компьютер. Антон перелистывал страницы МГУ, посвящённые экзаменам и обучению на разные специальности для колонистов. На одной из вкладок был сайт миграционной службы с таймером обратного отсчета, где оставалось меньше часа.

– Ребят на работу вызвали, Катя со Светой поехали к университету, там народ тусуется в ожидании отбора.

– А ты остался выбирать кем быть в новой жизни? – кивнул я на монитор.

– Херовато мне после вчерашнего, – вздохнул он. – Да и ты тут опять же дрыхнешь.

Я допил кофе, покурил и сел с ним рядом смотреть на телефоне вакансии в Москве. Обновил резюме, исправил опыт работы, место жительства, город в котором хочу работать, и, не мудрствуя лукаво, нажал кнопку подбора подходящих вакансий по параметрам моего резюме. Результат сразу же меня озадачил: вместо ожидаемых шести-семи тысяч автомат выдал семьсот вакансий. Как и предполагалось при таком подборе, почти все они довольно отдаленно относились к моему профессиональному опыту, но где-то на двухсотой строке, не оставив ни одного отклика, я понял, что выбирать особо не приходится.

Перечитав условия и требования к очередной вакансии я с беспокойством посмотрел на часы, вспомнив что в шесть завершается срок подачи заявок на колонизацию. Почему-то время для принятия решения для меня спрессовалось в эти

тридцать минут, и вдруг я не был уверен в том, что это такая уж плохая идея – на кораблях пришельцев улететь к незнакомой планете. И хоть там жизнь будет расписана на годы вперёд, знать, что ты делаешь это во имя всего человечество – воодушевляет. Это не менеджером по продаже электроники работать в соседнем магазине. Но если отбросить воодушевление, ничего кроме неизвестности и пожизненной тоски по Земле, колонистов на Малари не ждало.

Спрятав желание зайти на сайт Миграционной и зарегистрироваться глубоко внутри себя, я с тяжелым предчувствием надвигающейся безработицы стал откликаться на все, что, хотя бы отдаленно мне подходило. Я загрузил список заново и только тогда заметил даты публикаций вакансий: все они были здесь выложены до события во Франции. Свежих не было ни одной. На пятой сотне списка у меня уже было штук шестьдесят откликов, и я был полон уверенности отработать этот список до конца, но Антону позвонила Катя.

– Да, – ответил он тут же. – Да ладно! Уже? Сейчас обновлю!

Он кинулся к ноутбуку, нажал несколько кнопок и торжествуя посмотрел на меня.

– Что? – мне немного передалось его волнение и я отложил телефон.

– Мы все прошли отбор, кроме Сереги, – он глядел на меня стеклянными глазами. Ещё через секунду он развернул ко мне экран: – Смотри на списки, все пятеро.

Почему пятеро, подумалось мне, Серегу ж не взяли, и я с подозрением всматривался в списки незнакомых мне людей, пока не увидел. Сторожнев Артем, сразу за Сторож Анатолием.

– Ты подал заявку? – изменившимся голосом спросил я Антона, не отрывая взгляд от монитора.

– Ты сам, – он пожал плечами. – Вчера, как и все. Не помнишь?

Я не помнил. Но где-то в душе был скорее рад, чем удивлён. Гнетущее чувство беспокойства, оставшееся от тревожного сна, многократно усиленное открывшейся мне очевидной тщетностью попыток поиска нормальной работы в сложившихся обстоятельствах, отступили. Я осознал, чего я на самом деле хочу – быть там, в новом мире, и перестать хвататься за обломки старого.

– Круто, – только и выдавил я из себя.

– Собирайся! – Антон резко захлопнул ноутбук и выскочил из-за стола.

– Куда? – опешил я.

Он одним движением смел объедки со стола в мусорное ведро и отправил туда же недопитое пиво.

– В МГУ, девчонки там, не забыл? И ты за рулем, раз уж не пил.

На улицах снова царил легкий хаос, издалека контролируемый силами правопорядка. Люди были везде: на тротуарах, в скверах, на площадях, на проезжей части, то там, то здесь

стоял полицейский автобус и десять-двадцать омоновцев с автоматами. Мы медленно объезжали то ли митингующих, то ли празднующих молодых людей, и до нас доносились совершенно разные настроения. Кто-то требовал отпустить каких-то заложников, кто-то хотел войны с чарами и предлагал выдворить их за пределы планеты, кто-то опять обвинял власть. И только на подъезде к Воробьевым Горам мы увидели тех, кто встретил весть о возможности колонизации с энтузиазмом. Мощная человеческая толпа разочарованно шагала нам навстречу мешая проезду, и ещё большее количество людей осталось там, возле главного корпуса университета, в надежде все-таки отыскать свою фамилию в списках. Мы бросили машину на парковке и дальше пошли пешком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.